РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ

Давыдов А.А.

Феномен популярности конных состязаний в древнем Риме: античные и современные интерпретации

*Нижегородская государственная медицинская академия
(Россия, Нижний Новгород)*

doi:10.18411/spc-01-11-2017-05

ids: 000001:spc-01-11-2017-05

«... тысячи взрослых мужчин так по-детски жаждут опять и опять видеть бегущих лошадей и стоящих на колесницах людей...» [1, Письма.IX. 9] – эти слова Плиния Младшего наиболее точно передают атмосферу, окружавшую конные состязания в древнем Риме. В чем же кроется секрет их популярности и что так притягивало римских граждан в цирки?

Тацит, в шутку или всерьез, ищет причины данного феномена исключительно на генетическом уровне: «... страсть к конным ристаниям... зарождается еще в чреве матери...» [2, 29]. Согласно Иосифу Флавию, копать следует глубже, и наследственность здесь ни при чем: в цирке, как нигде еще, у народа имелась возможность обратиться к императору с просьбами о своих нуждах [3, XIX.I. 4]. Геродиан же полагает, что цирк был прежде всего местом тесного общения народных масс между собой [4, II. 7. 3]. Ему вторит современный исследователь Ж.-Н. Робер: «страсти, разгорающиеся вокруг той или иной фракции... становятся самой модной темой для разговора. Каждый... считает себя обязанным иметь свое мнение о цирке...» [5, с. 200]. Обобщая все вероятные причины небывалого интереса публики к этому представлению, следует констатировать: «прежде всего захватывающим было зрелище стремительно несшихся, сшибавшихся, обгонявших одна другую квадриг; прекрасные лошади, лихие возницы, смертельная опасность этих состязаний – этого было достаточно, чтобы глядеть на арену, не отрывая глаз, затаив дыхание. А тут присоединялась еще веселая толпа... возможность завязать легкое, ни к чему не обязывающее знакомство» [6, с. 251]. Кроме того, в цирке зрителей могли ждать подарки, например, при Нероне и Домициане – тессеры, особые жетоны, выигрышами по которым могли быть «...одежда, серебряная посуда, драгоценные камни, картины, выучные животные, ручные звери, рабы, суда, доходные дома, поместья» [6, с. 326]. Другими словами, для бедняков посещение скачек было еще и реальной возможностью неожиданно разбогатеть.

Итак, огромная популярность цирковых игр в Риме не вызывает сомнений и формы ее проявления были весьма разнообразны. Перед искушением состязаний не мог устоять никто, от императоров и высших сановников до социальных низов. Одна лишь фраза из сатиры Ювенала «если от игр цирковых оторваться ты в силах...» [7, 3] красноречиво подчеркивает это. Другой великий поэт, Марциал, не может сдержать своего негодования по поводу популярности участников игр: «не известней ведь я, чем конь Андромон» [8, X. 9]. У Калигулы на почве зависти к славе цирковых возниц даже возник конфликт с народом: «когда чернь в обиду ему рукоплескала другим возницам, он воскликнул: «О, если бы у римского народа была только одна шея!...» [9, Калигула. 29. 2]. Нерон, будучи ребенком, несмотря на все запреты, говорил только о

скачках [9, Нерон. 22. 1], а став императором, доходил в своем подражании до следующего: «он зачесывал волосы вперед и укладывал их уступами, как возница колесницы...» [10, с. 125]. Даже дети играли в цирковые состязания: «...велит принести себе панцирь зеленый ... ребенок Микалы» [7, 5]. Неудивительно, что конные ристания зачастую становились предметом бесед за трапезой в домах римских граждан [11, LXX].

Ярким примером народной любви к возницам может служить инцидент, произошедший в 354 г. н.э., когда префект Рима «... приказал взять под стражу возницу Филорома. Собравшаяся на его защиту чернь стремилась вырвать из рук властей своего любимца...» [12, XV. 7. 2]. В другом случае «во время погребения Феликса, возницы красных, один из его приверженцев бросился в костер в тот самый момент, когда на него возложили тело покойного» [13, с. 217]. Таким образом, возницы превращались в настоящих героев своего времени, если «молодежь из высшего общества, да и люди более зрелого возраста, не считают для себя зазорным исполнять роль возничего» [5, с. 201]. Некоторые даже удостоивались посмертной славы в поэтических строках: «Скорп, ты погиб, не изжив ранней молодости... Стремительно огибал ты мету – почему и для жизни твоей оказалась она столь близка» [8, X. 50]. Статуи возниц могли стоять в одном ряду со статуями богов, поэтому Марциал чувствовал определенное раздражение от того, что «всюду сверкает золотой нос Скорпа» [8, V. 25].

Лошади, выступавшие в состязаниях, мало в чем уступали возницам по популярности. По некоторым свидетельствам, они были не менее известны, чем даже достойнейшие римские граждане [5, с. 201]. Публика знала имена лучших лошадей, их происхождение, возраст, беговые качества. Показателен один случай: некто, увидев, как его лошадь обогнали во время бега, завернулся в свой плащ и упал без чувств [13, с. 217]. Более того, одна из лошадей была удостоена эпитафии: «песков гетульских детище, завода честь гетульского ... во цвете лет погибшая, ушла, Спевдуса, к Лете ты...» [6, с. 328].

Впрочем, как утверждает Плиний Младший, искренность симпатий народа к успешным возницам и скакунам не стоит преувеличивать. Зрители в цирке «...благоволят к тряпке... если бы во время самих бегов в середине состязания этот цвет перенести туда, а тот сюда, то вместе с ней перейдет и страстное сочувствие, и люди сразу же забудут тех возниц и тех лошадей, которых они издали узнавали, чьи имена выкрикивали» [1, Письма. IX. 9].

Итак, в период своего расцвета конные состязания в Риме наряду с гладиаторскими боями являлись любимым народным развлечением, чему было немало причин: от зрелищности и яркости самого представления до редкой возможности быть услышанным властями. Напрашивающаяся аналогия с современными массовыми зрелищными формами (спорт, эстрада и прочее) уместна, но не вполне корректна, так как «никакое сегодняшнее празднование несравнимо с этими великими римскими праздниками... коррида... является лишь бледным отблеском былого величия» [14, с. 96]. По крайней мере, в том, что касается чувства азарта и остроты ощущений.

1. Плиний Младший. Письма. Панегирик Траяну / Пер. с лат. М.Е. Сергеевко, А.И. Доватура. – М.: Наука, 1984. – 407 с.
2. Тацит. Диалог об ораторах // Тацит. Анналы. Малые произведения. История / Пер. с лат. А.С. Бобовича, Г.С. Кнабе. – М.: ООО Изд-во АСТ, Ладомир, 2001. – 986 с.
3. Флавий Иосиф. Иудейские древности в 2 т. / Пер. Г. Генкеля. – Мн.: Беларусь, 1994.

4. Геродиан. История императорской власти после Марка в 8 книгах / Пер. с лат. А.И. Доватура. – СПб.: Алетейя, 1995. – 279 с.
5. Робер Ж.-Н. Рождение роскоши: Древний Рим в погоне за модой. – М.: Новое лит.обозрение, 2004. – 400 с.
6. Сергеенко М.Е. Жизнь древнего Рима. – М.-Л.: Наука, 1964. – 161 с.
7. Ювенал. Сатиры / Пер. с лат. Ф.А. Петровского. – СПб.: Алетейя, 1994. – 222 с.
8. Марциал. Эпиграммы / Пер. с лат. Ф.А. Петровского. – М.: Художественная литература, 1968. – 487 с.
9. Светоний. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. с лат. М. Гаспарова. – М.: Художественная литература, 1990. – 250 с.
10. Грант М. Цивилизация древнего Рима. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2003. – 397 с.
11. Петроний. Сатирикон / Пер. с лат. под ред. Б. Ярхо. – М.: Правда, 1991. – 598 с.
12. МарцелинАммиан. Римская история / Пер. с лат. Ю. Кулаковского. – СПб.: Алетейя, 1994. – 569 с.
13. Гиро П. Быт и нравы древних римлян. – Смоленск: Русич, 2001. – 576 с.
14. Робер Ж.-Н. Повседневная жизнь древнего Рима через призму наслаждений. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 245 с.

Ларин А.Н., Афанасьев Д.К.

Историография проблемы саморегуляция поведения

*Пермский военный институт войск национальной гвардии
Российской Федерации
(Россия, Пермь)*

doi:10.18411/spc-01-11-2017-06

idsp: 000001:spc-01-11-2017-06

Понятие саморегуляции в словарях появились относительно недавно. Его возникновение в западной психологической науке связано с развитием кибернетики в 50 - 60 гг. 20 в. и общей теории систем Л. фон Берталанфи. В России идеи системной регуляции поведения на основе обратных связей начали свое развитие еще раньше в физиологии и физиологической психологии и вершинами их развития выступили теории функциональных систем.

Проблема саморегуляции поведения рассматривается в зарубежной и отечественной науке в разных теоретических аспектах. Термин «саморегуляция» имеет междисциплинарный характер. Данный термин широко используется в разных областях науки для описания живых и неживых систем, основанных на принципе обратной связи. Понятие саморегуляции (от лат. *Re gulare* – налаживать, приводить в порядок) в энциклопедических вариантах трактуется как целесообразное функционирование живых систем различных уровней сложности и организации, что получило развитие как в отечественной, так и зарубежной психологической науке.

Итак, рассмотрим подробнее историографию проблемы саморегуляции поведения.

Категорию регуляции впервые ввел П. Жанэ, который утверждал, что способность к саморегуляции поведения выступает высшим показателем личностного развития. Саморегуляция трактовалась им как механизм с опосредования социальных ценностей и норм, как система внутренних требований, превращающих личность в активного субъекта [10].

З. Фрейд определял «Я» в качестве регулирующей инстанции, которое опосредует желания табу и нормами, участвует в осознании желаний.